

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Правда. - 1989 - 6 мая - с. 3

Клоунаде
научить
нельзя

Юрий Куклачев умеет предвидеть ситуации. Я давно знаком с клоуном и еще тогда, в первые наши встречи, заметил за ним эту способность. Он может прогнозировать свою работу на несколько лет вперед. Поэтому заранее готов к разного рода сложностям, порой, казалось бы, непредвиденным.

Не потому ли в цирковой среде бытует мнение, что Куклачев — везун, счастливчик, а слава, популярность, успех — все то, чего он достиг за относительно короткий срок, — не столько талант, сколько умение ладить с коллегами, начальством и журналистами. Ну и, конечно, с кошками...

САМ Куклачев к мнениям о себе относится спокойно. Может быть, пришла внутренняя уверенность? Вполне возможно, ведь последнее время успех сопутствует ему во всем. Сначала — международный фестиваль цирков в Монте-Карло, где Куклачев стал лауреатом. Потом — Указ о присвоении звания народного артиста РСФСР, новый спектакль «Цирк берет интервью» с его участием, несколько больших и весьма удачных гастролей за рубежом и, наконец, создание совместного советско-французского предприятия «Цирк-Европа», художественным руководителем которого стал Куклачев.

Я поздравил его со всеми этими событиями и спросил:

— Вне манежа ты должен быть собой доволен. Ну а на манеже?

— Пока еще нет. Считаю, что лишь нащупал тот путь, по которому предстоит идти дальше. Мне говорят: ты сейчас стал легче, свободней работать. Это правда. А все потому, что раньше надо было доказывать, что я рожден клоуном. Понимаешь, много сил на это уходило, нужно было напрягаться, а ведь жизнь человека, такая она есть, вся на манеже видна.

Я вспоминаю, как начинал... Когда пришел в цирковое училище, у меня вообще не было никаких профессиональных навыков. И поступил я туда с большим трудом.

И вот тогда сам для себя я начал искать методику. Поднял работы Станиславского, Горчакова, Топоркова, Мейерхольда, Вахтангова и на их трудах стал учиться. Для меня было важно понять принцип: почему этот актер увлекает меня своей игрой, а этот — нет, почему мне это интересно, а это — скучно?

Было трудно. Отец у меня шофер, мать дворник, в театр в детстве я ходил, может быть, два раза и, естественно, был далек от этого мира. А поступив в училище, стал ходить в театр каждый день, начал анализировать, вести дневники впечатлений от увиденного и прочитанного. Но главное, тут же, увидев что-то яркое на сцене, пытался использовать в своей работе.

— Но ведь долго на заимствованном не проживешь...

— Верно, но пройти через это надо. Вот и я что-то от Карандаша брал, что-то от Му-

сина, Попова, Енгигарова, Майхровского... Карандаш — это целый мир. И не только на манеже. Я мог слушать его часами. Удивительной глубины и интеллекта человеком был Михаил Николаевич Румянцев.

Или Хасан Мусин. Такое впечатление, что он не играл на манеже, а просто жил, просто показывал себя, настолько он был естественным. Я набирал приемов у этих мастеров, пытался выискнуть в суть того, что они делали.

Но чужое нужно только для первых шагов. Я бы сравнил это с тем, как если ты на реке по льдинам перепрыгиваешь, чтобы в ледяную воду не упасть и не утонуть. Вот так и допрыгиваешь до своего берега. Но обязательно до своего.

Когда я выпускался из училища, я только чуть-чуть выстроил себя внутренне. А когда начал работать, скачок произошел очень сильный. Прогресс был с каждым новым городом, с каждым новым цирком. Для тех, кто меня видел с большим интервалом, я становился как бы другим человеком, так сильно менялся. В общем, на эту внутреннюю работу ушло десять с лишним лет.

— Ты организовал при своем коллективе клоунскую студию. Считаешь, что можно научиться быть клоуном?

— Понимаешь, в чем дело, научить клоунаде нельзя. Но помочь способному человеку прийти к какой-то определенной цели можно. Я пытаюсь дать ребятам направление, куда, в какую сторону двигаться.

Главное, понять, в чем смысл нашего дела, осознать, что это не просто профессия, а своеобразная форма жизни, исключая лицемерие, ложь, меркантилизм. Считаю, что лучшая оценка труда артиста — это аплодисменты зрителей. Они хлопают, радуются, смеются, плачут — значит, ты состоялся.

— Ну а как же титулы, награды, премии?

— Я хочу сказать, что, если всю жизнь бьешься-бьешься — за звания, ставки, поездки, потом вдруг понимаешь в один прекрасный день, что все это — ерунда.

Перед фестивалем в Монте-Карло мы работали в Свердловске. Я так любил этот город... Зритель какой там!

Я такого зрителя нигде не встречал. И вдруг узнаем, что сразу после Монте-Карло будет Италия. Как же Италия, если мы собирались вновь вернуться в Свердловск и билеты заранее продали?

В общем, я отказался ехать в Италию. Надо сказать, такое решение прямо-таки потрясло многих наших деятелей. Ты что, чокнулся, говорили мне. Я пытался объяснить, что на месяц вперед билеты в Свердловске продали, люди меня ждут. Ну съезжу я в Италию, куплю себе дубленку, но зато потеряю доверие зрителей. А это недопустимо.

— Как ты считаешь: клоун обязательно должен быть смешным?

— Дело не в количестве смеха. Да и как его измерить? Вот мне некоторые критики говорят: в вашем последнем спектакле мало смеха. Согласен, но ведь и тема, за которую мы взялись, слишком серьезная. Семьдесят лет прожили и — не до смеха. И если мы будем продолжать бить себя в грудь: мы первые, мы лучшие — значит, будем сами себе врать. Хорошо, что сейчас начали говорить то, что есть на самом деле. И у меня вера появилась: может, действительно что-то изменится...

Да возьми хоть наш спектакль. Я считаю, что он даст толчок для новых поисков на манеже. Может быть, наконец-то в цирк придет сатира.

— А ты убежден, что это нужно? Конечно, Анатолий Васильевич Луначарский утверждал, что «клоун смеет быть публицистом». Но как-то так само собой выходит, что публицистичный, декларирующий нечто с манежа артист — не смешной. Не смешной клоун — не парадокс ли?

— Пусть он иногда будет не совсем смешным, пусть глубоко гражданственная тема, которую он затронет, не вызовет у зрителя улыбку и смех. И даже наоборот, вызовет неловкость и чувство стыда. У нас в спектакле, знаешь, какая мысль? Почему мы столько лет молчали? Когда проснется наша совесть? Этот спек-

такль — моя внутренняя перестройка.

Хотелось бы, конечно, чтобы в моем монологе больше юмора было. Но я и другое знаю: мне нравится, когда я открыто, «в лоб», говорю людям о совести. Мало ее сегодня в мире. И дел мало...

— Кто из современных клоунов тебе, ну, скажем так, интересен?

— Пока самый современный клоун — Леонид Енгигаров. Удивительно, но он ушел из жизни очень рано, в тридцать семь, и хотя прошло уже семнадцать лет, остался самым современным. Не знаю, каким бы он был сейчас, в свои пятьдесят с лишним, но уверен, был бы интересен и созвучен времени.

— Сейчас ты в самом, что называется, расцвете творческих сил, сорок лет для клоуна — пик формы. Ну а представляешь ты себя на манеже, скажем, через двадцать лет?

— Я об этом постоянно думаю. Это ужасно, когда зрители жалеют старого, немощного клоуна.

Сейчас, когда я во многом определился на манеже, на первый план в работе выходят репризы, в которых мысль превалирует над трюком. Работа эта очень серьезная, она требует массу времени и сил, но если все будет успешно, надеюсь, и через двадцать лет не стыдно будет выходить на манеж, потому что к тому времени я полностью изменю свой образ и маску. Да и репертуар тоже.

— Наверное, подобрать репертуар коверному трудно?

— Необыкновенно. Любый подтвердит, кому приходилось заниматься этим делом. Вот я сейчас недоволен своим первым большим спектаклем «Город Мир». И справедливо. Но с другой стороны, там было несколько сильных реприз. Там я впервые заговорил. Пусть фальшиво, стихами, но заговорил. И это был переход к новому спектаклю. Здесь я уже освоил слово, поэтому в будущей работе, которую мы с режиссером Юнгвальдом-Хилькевичем условно назвали

«Клоуны строят дом», будет, наверное, много текста.

Я хочу, чтобы у нас в репертуаре было несколько спектаклей. Приехали в город — и сидим год. На утренниках — детский «Кот в сапогах и Карabas Барабас». А по вечерам — «Город Мир», «Цирк берет интервью» и новый — «Клоуны строят дом». И еще есть идея создать театр кошек.

— Как я понял, с кошками ты в ближайшее время расставаться не собираешься...

— А какой смысл? Кошки родили меня.

— Просто, я помню, ты когда-то с печалью говорил, мол, кошатником зовут, а я артист.

— Раньше я думал, что меня не оценили как клоуна, а только кошки помогли. А потом понял: ну и пусть говорят, какая разница? Знаешь, у каждого должен быть свой характер, свои индивидуальность, лицо. Поэтому, когда говорят, что у Енгигарова только пантомима была, не огорчаться надо, а радоваться, — это его ото всех отличало. А у Куклачева — кошки. Ну и радуйтесь, что у него кошки. Это же у Куклачева, не у всех клоунов.

Когда в 70-м Куклачев впервые вышел на манеж, ему, молодому и честолюбивому, было от чего потерять не то что лицо — голову: в расцвете славы Карандаш и Никулин, Попов и Енгигаров, Ротман и Маковский. Он сумел доказать, что можно быть другим, не похожим на мастеров. Доказал, а что дальше?

— Знаешь, а кошек я все-таки люблю, хотя в душе совсем не дрессировщик, — говорит Куклачев.

— Было бы странным, если бы сказал обратное.

— Да, конечно, — машет он рукой. — Но я хочу объяснить: кошки для меня не самоцель. Это способ раздумий о жизни. О человеке, его бедах, проблемах. Об этом я и хочу говорить с манежа.